

Чжао Синюэ могла просто стоять, и от этого одного её вида целая толпа людей чувствовала трепет.

Ей казалось, что эта Чжао Синюэ и та холодная, высокомерная отличница из её собственных воспоминаний — это небо и земля.

Она абсолютно не могла представить, как те белые, изящные руки, которые сжимали ручку, выводя формулы по стереометрии на белой бумаге, способны драться.

Впрочем, сама Чжао Синюэ прекрасно адаптировалась к своей новой роли.

И ничуть не видела никаких проблем в этом амплуа.

Чтобы не слишком сильно менять мир при выполнении задания, Владыка Подземного Царства настойчиво и многократно предупреждал их: по возможности действовать в строгом соответствии с характером персонажа, в тело которого они вселяются.

Например, если дух вселялся в грубого воина, нельзя было заставить его мгновенно превратиться в нежную барышню; если объект был консерватором, не стоило с порога пускаться во все тяжкие по соблазнительно-дерзкой части. Небольшие изменения допускались, но они должны были выглядеть логично и не противоречить воспоминаниям и жизненному опыту персонажа.

Она проанализировала воспоминания, доставшиеся ей от прежней хозяйки тела.

Если сравнивать с другими подопечными, её нынешней оболочке, не считая ранней смерти, повезло неизмеримо больше — по крайней мере, в том, что касалось судеб родителей.

Отец, Чжао — владелец транснациональной корпорации Чжао, входящий в десятку богатейших людей страны, ворочает деньгами, которые могут похоронить кого угодно.

Мать, представительница элиты в красном поколении, ныне занимает пост главы городского управления образования в городе С, а в её планах на будущее — продвижение на уровень центрального правительства.

Однако при всем при этом оба родителя не смогли обеспечить прежней владелице тела по-настоящему счастливую жизнь.

Отец был поглощен бизнесом и деловыми приемами. Хоть он и не заводил на стороне ни третьих, ни четвёртых, ни десятых любовниц, он крутился как белка в колесе и у него банально не оставалось времени на собственную дочь.

Мать вела себя точно так же.

Если выразиться словами домработницы семьи Чжао, эти двое уделяли заботам о народном благосостоянии больше сил, чем собственной дочери.

И при этом к самой Чжао Синюэ они предъявляли жесточайшие требования: на любых экзаменах она обязана была занимать только первое место. И первого места в классе было мало — требовалось исключительно первое по всей параллели. Мало просто оказаться первой — баллы на листе должны были быть максимально близки к идеальным, а стоило допустить хоть одну-две оплошности, как от неё требовали пространного письменного сочинения с подробным объяснением причин каждой ошибки.

В условиях такой жесткой атмосферы успеваемость Чжао Синюэ всегда оставалась на высоте, а поведение казалось достаточно примерным, чтобы служить поводом для гордости родителей перед окружающими — этакой идеальной дочерью маминой подруги.

Но за этой послушной оболочкой скрывался бунт, пропитывающий каждую косточку.

Драки, курение, алкоголь.

Всё то, чего порядочному ученику делать не положено, Чжао Синюэ перепробовала тайком.

Причём, если чужие успехи можно было назвать цветением одинокого дерева, то она цвела пышным букетом по весне: за что бы ни бралась — за учебу, за драки или за выпивку — везде становилась первой.

— Чего застыла?

Услышав голос Чжао Синюэ, Шэнь Цинвэй пришла в себя. Деньги в её руке от пота на ладони отсырели и размякли, и только теперь до неё дошло, что она внезапно оказалась в полной безопасности.

Это Чжао Синюэ спасла её.

Искренне и от всего сердца она произнесла:

— Спасибо.

Потирая влажные купюры в ладони, она почувствовала облегчение: деньги всё-таки удалось сберечь.

— За что ты меня благодаришь? — Шэнь Цинвэй удивленно подняла голову и увидела, что

Чжао Синюэ откинула ногой какой-то камень, прислонилась спиной к стене, неторопливо вытащила из кармана брюк сигарету, поднесла к губам и зажгла. Сделав глубокую затяжку, она выдохнула колечко белого дыма, сквозь который долетел её голос: — Я ничего не сделала.

Шэнь Цинвэй поняла смысл её слов.

— Иди домой, раз всё в порядке, — бросила Чжао Синюэ. — А то родные начнут волноваться.

Да её домашним давным-давно плевать, когда она вернется.

Подумав об этом, Шэнь Цинвэй сделала шаг к выходу, но потом обернулась и сказала:

— Курить вредно. Это разрушает здоровье.

Чжао Синюэ одарила её сквозь завесу дыма взглядом, полным немого упрека за излишнее любопытство.

Шэнь Цинвэй молча двинулась прочь.

Заметив, что силуэт в поле зрения исчез, Чжао Синюэ зажала сигарету между пальцами и резко затушила её о стену.

Тело до автоматизма помнило вкус курения, из-за чего она машинально полезла за сигаретами, но самой ей это ощущение зависимости было неприятно.

Прежняя хозяйка тела любила распушенность, она же предпочитала контроль.

Держать всё под собственным контролем — а курение, повышающее риск рака, явно в этот список не входило, пусть даже переписанная ею судьба и не грозила онкологией.

В поле зрения Чжао Синюэ Шэнь Цинвэй со школьным рюкзаком за плечами нырнула вглубь низких трущоб.

Над головой девушки цифра, обозначающая степень изменения судьбы, замерла на отметке в пять процентов.

Чжао Синюэ мысленно полистала отчёты о заданиях в прошлом мире: обычно при устранении первой ключевой развилки процент изменения судьбы оказывался самым большим среди всех последующих. Да, пять процентов — это уже считалось немало.

Чтобы существенно поднять этот показатель, существовало два пути. Первый — быстро

разобраться со Злым духом этого мира: без внешнего вмешательства степень изменения судьбы начнет расти сама собой. Второй — форсировать события, то есть, говоря буквальным языком, тянуть ростки вверх, чтобы ускорить взросление объекта и помочь ему обрести способность противостоять Злому духу.

Чжао Синюэ издавна предпочитала действовать на два фронта сразу.

Бросив взгляд на пошатывающегося от пьянства отца Шэнь Цинвэй, который возвращался домой с бутылкой водки в руке, и заметив в этот момент саму Шэнь Цинвэй, молча забившейся в угол с тетрадами, она прищурилась.

Времени впереди еще много, спешить некуда.

К тому же, у неё имелись и собственные дела, требующие внимания.

Чжао Синюэ изначально надеялась, что Владыка Подземного Царства, как и в прошлый раз, устроит ей сироту с обоими мертвыми родителями — тогда бы не пришлось отвлекаться на семейные и прочие посторонние факторы. Но воля вселения не спрашивала её мнения; то, что удалось подряд в двух мирах найти столь схожие с её собственной судьбой тела, уже было большой удачей. По сравнению с теми бедолагами, которые из-за несовместимости человеческих оболочек вынуждены были выполнять задания, вселяясь в тела животных, она вполне могла считаться баловнем судьбы.

Вернувшись домой, домработница тут же подскочила к ней и забрала школьный портфель, хотя внутри него почти ничего не было.

— Мама где? — спросила она.

— Госпожа Ли передала, что у неё после обеда совещание и сегодня к ужину она не вернется.

— Понятно.

Толкнув дверь своей комнаты и окинув взглядом спальню, выдержанную сплошь в белых тонах, она внезапно почувствовала одиночество, поднявшееся откуда-то из глубин чужого сердца.

Прежняя Чжао Синюэ никогда прежде не испытывала подобных эмоций.

Она усмехнулась: детям всегда требуется внимание, но она уже не ребёнок, в подобных вещах она не нуждается.

Только она затворила дверь, как взгляд её замер.

Не потому, что в комнате нашлось что-то привлекающее внимание — просто с Шэнь Цинвэй, за которой она продолжала наблюдать, что-то произошло.

Денег нет? Нет денег! Я так и знал, твоя мамаша пошла по чужим мужикам шататься, шлюха, дрянь! Просто не хочет давать мне деньги, какое нет денег, всё это отговорки!

Вне вспыхнувший гнев отца перепугал Шэнь Цинвэй, и лишь когда её схватили за волосы и резко дёрнули вверх, она пришла в себя.

Девушка отчаянно забилась, но её тонкие ручки и ножки не могли стать преградой для кулаков и сапог обезумевшего от пьянства мужчины.

Только что вошедшая в дом Чжао Синюэ развернулась и спешно выбежала обратно.

Домработница крикнула из кухни:

— Ужин вот-вот будет готов, ты куда это собралась?!

— Одноклассники позвали перекусить, я вернусь попозже.

Вытирая руки о полотенце, домработница вышла из кухни и, глядя на приоткрытую дверь, проворчала:

— Ишь ты, дома не усидят...

Умело уворачиваясь от сыпавшихся на неё ударов кулаков и ног, Шэнь Цинвэй вычленила из бранной речи отца ключевые слова и сопоставила их воедино, поняв причину сегодняшнего избиения.

Мать не прислала денег.

Раньше, пока мать еще жила с ними, они порой разделяли тумачи на двоих, но когда отец просыхал, он всё же отправлялся на подработки и приносил в дом хоть какую-то копейку, поддерживая очаг.

Позже, когда мать не выдержала, сбежала из дома на заработки и стала присылать лишь алименты на двоих детей, отец окончательно забросил работу. Он жил исключительно на материнскую зарплату, вспоминая о временных заработках лишь тогда, когда в карманах не оставалось ни гроша.

Шэнь Цинвэй то и дело думала: стоит матери продержаться в отъезде достаточно долго, как однажды она просто перестанет высылать деньги.

Человеческие сердца изменчивы; мать любила её, но себя она любила куда больше.

И самой Шэнь Цинвэй тоже следовало любить себя сильнее.

Просто она не ожидала, что этот день наступит так быстро.

Выплеснув накопившуюся злость, отец рухнул на кровать и мгновенно захрапел.

Шэнь Цинвэй просидела на корточках на полу добрых полчаса, прежде чем медленно подняться на ноги.

Отцовский кожаный ботинок угодил ей прямо в голень во время потасовки, и острая боль чуть было не сбила её с ног. Ухватившись за стену, она случайно содрала ногтем слой старых наклеенных газет.

Дождавшись, пока боль утихнет до терпимого уровня, Шэнь Цинвэй кое-как затолкала тетради в рюкзак и без оглядки выскочила из дома.

Чжао Синюэ сидела в засаде.

В те дни, когда она неподвижно лежала на больничной койке, она подробно изучала распорядок дня Шэнь Цинвэй и знала, где та прячется после каждого избиения, чтобы зализать раны.

Заброшенный парк.

У Шэнь Цинвэй, казалось, была какая-то особая привязанность к этому месту: несмотря на то, что всё там заросло сорной травой и кишело насекомыми со змеями, а у единственной скамейки не доставало доски и с неё полностью облупилась вся красная краска, выглядела она убого до крайности, девочка всё равно любила туда приходить.

Словно порыв ветра, Шэнь Цинвэй вылетела из дома и добежала до своего тайного убежища, но, сделав всего пару шагов, с удивлением увидела неподалеку человека. Кто-то сидел на той самой единственной скамейке в парке и спокойно читал книгу.

Этот человек казался совершенно чужеродным в здешней обстановке.

Белая рубашка, джинсы, прямая спина, сдержанная и благородная осанка. Казалось, будто место, где она сейчас находилась, было вовсе не заброшенным парком, а уютным уголком у дворцового камина, где рядом пылал теплый огонь, а она сама сидела на мягких подушках высокого кресла, лениво перелистывая страницы тяжелого, заумного фолианта.

Её появление, судя по всему, побеспокоило девушку. Та слегка повернула голову, и её взгляд упал на незваную гостью.

Чжао Синюэ захлопнула книгу:

— Какая встреча.

Шэнь Цинвэй судорожно вцепилась в лямки рюкзака и выдавила из себя:

— Какая встреча...

Чжао Синюэ подобрала для своего появления безупречный предлог: настроение было скверным, просто бродила повсюду, а заметив, что в этом месте тихо и спокойно, решила присесть.

Шэнь Цинвэй спросила:

— Разве ты не идешь домой?

Дом? — Чжао Синюэ холодно усмехнулась. — Возвращаться туда или нет — совершенно неважно.

Шэнь Цинвэй тут же почувствовала, будто нашла родственную душу. Обхватив себя руками, она с горечью произнесла:

— Я тоже.

Что у тебя с лицом?

Услышав вопрос Чжао Синюэ, Шэнь Цинвэй инстинктивно отвернулась, прикрыв рукой багровый синяк, оставленный отцом, и в панике попыталась оправдаться:

— Ничего особенного, просто обо что-то ударилась.

— Вот как.

Чжао Синюэ не стала допытываться, отчего Шэнь Цинвэй тяжело вздохнула с облегчением.

Ей совсем не хотелось выставлять семейные неурядицы напоказ перед другими людьми, независимо от того, было ли их любопытство продиктовано благими намерениями или злым умыслом.

Но в следующую секунду чей-то изящный палец подцепил её за подбородок, заставляя поднять голову.

Прищурившись, Чжао Синюэ внимательно разглядела её синяки:

— А ты просто мастер. Надо же умудриться упасть так, будто тебя знатно отходили кулаками.

Шэнь Цинвэй через силу улыбнулась, и её улыбка выглядела так, словно пересохшую губку с усилием скрутили в жгут.

Это Шангуань Цзюньхун доставил тебе неприятности?

Кто такой Шангуань Цзюньхун? — машинально переспросила Шэнь Цинвэй, но тут же сообразила, что Чжао Синюэ, скорее всего, имеет в виду тех хулиганов, с которыми ей довелось столкнуться ранее, и торопливо замахала руками: — Нет-нет, не он.

А кто тогда?

Выражение лица Шэнь Цинвэй стало неловким, и она тихо попросила:

— Можно не говорить?

В её голосе звучала мольба, а большие, контрастные, черно-белые глаза ярко блестели, источая свет, который заставлял невольно проникнуться жалостью.

Сердце Чжао Синюэ просто не могло оставаться каменным перед лицом с таким выражением.

Она отпустила её подбородок:

— Раз уж ты сама не хочешь поднимать этот вопрос, тогда ладно.

Спасибо.

Шэнь Цинвэй перевела дыхание, искренне благодаря Чжао Синюэ за то, что та пощадила её гордость. Но в следующее мгновение Чжао Синюэ поднялась на ноги и протянула ей руку:

— Мой дом совсем рядом. Если не возражаешь, я отведу тебя обработать рану. Едва ли тебе захочется идти завтра в школу с таким лицом.

Шэнь Цинвэй поколебалась какое-то время, но, прислушавшись к велению сердца, поднялась.

Она тихо произнесла:

— Спасибо.

На самом деле Чжао Синюэ очень хотелось увезти Шэнь Цинвэй из дома Шэнь — в конце концов, нынешняя обстановка в этой семье была совершенно не подходящей для нормальной жизни.

Однако время еще не пришло.

Школа «Цзинъин» предоставляла Шэнь Цинвэй бесплатное общежитие, и она вполне могла жить там постоянно, возвращаясь домой лишь на зимние и летние каникулы. Но девочка отказывалась, и для Чжао Синюэ было проще простого догадаться о причинах.

Как бы сильно она ни презирала этот очаг, это место все-таки оставалось ее домом.

Она не могла сбежать так, как это сделала ее мать. Впрочем, даже ее мать, набравшись храбрости и сбежав из дома, всё равно оказалась намертво привязана к нему детьми и мужем. Зная, что все заработанные деньги попадут в руки супруга, а детям придется выматривать крохи из его жадных рук, она всё равно каждый месяц переводила всю зарплату обратно. Если бы не влияние Шангуаня Цзюньхуна, согласно изначальной судьбе, после того как Мать Шэнь перестала бы отправлять деньги домой, учитель заметил бы следы домашнего насилия над Шэнь Цинвэй со стороны отца, принудительно перевел бы девочку на пансион в школе и обратился в полицию. Используя личные связи, он добился бы судебного запрета на любые контакты между Отцом Шэнь и Шэнь Цинвэй — именно это позволило бы ей сделать первый

шаг и выбраться из семейного болота.

Поэтому нельзя спешить, всё нужно делать постепенно.

Шэнь Цинвэй приподняла подбородок, внимательно глядя на ту, что обрабатывала ей раны.

Чжао Синюэ, без сомнения, была очень красивой девушкой.

И её красота не ограничивалась лишь внешностью — она проникала самой в корень её существа.

Казалось, в этом мире всегда есть такие люди: как бы они ни выглядели внешне, стоило взглянуть на них, как ты сразу понимал — она прекрасна.

Чжао Синюэ была именно такой. Её черты лица не были тесно сжаты, что придавало её облику холодное и расслабленное выражение, однако, когда она посмотрела на синяк на её лице и нежно провела по нему кончиком пальца, Шэнь Цинвэй против воли охватило странное ощущение: та, для которой все вокруг пустой звук, сейчас смотрит на неё со всей душой и полнотой внимания.

Её сердце неожиданно пропустило удар.

— На теле ещё есть раны? — спросила Чжао Синюэ.

— Н-нету больше.

Актёрские способности Шэнь Цинвэй были всё так же ужасны.

Не говоря уже о том, что Чжао Синюэ сама видела, как её избивали, и могла по пальцам пересчитать все нанесённые ей удары ногами, одно лишь её нынешнее поведение, пытающееся скрыть очевидное, было точно таким же, как когда Шангуань Цзюньхун вымогал у неё деньги. Чжао Синюэ не стала тратить на нее лишних слов и просто задрала одежду.

Бесчисленные синяки и кровоподтеки мгновенно предстали перед ее взором: под свежими следами скрывались целые пласты старых ран.

Чжао Синюэ замолчала.

Она предполагала, что Шэнь Цинвэй придется несладко, но никак не думала, что настолько.

Шэнь Цинвэй чувствовала себя неловко. Хотя они уже больше года учились вместе, она все равно испытывала неловкость:

— Не смотри.

Взгляд Чжао Синюэ изменился. Кончики ее пальцев мягко коснулись тех шрамов, словно касаясь хрупкого лепестка цветка.

Она спросила тоном, которого Шэнь Цинвэй совсем не поняла:

— Больно?

Чжао Синюэ и сама толком не понимала, откуда берется ее гнев. Она знала лишь одно: когда она увидела эти раны, ярость мгновенно заполнила ее грудь. Ей стоило огромных усилий подавить это чувство, сдерживаясь и задавая этот почти бессмысленный вопрос.

Шэнь Цинвэй сначала хотела сказать, что не больно.

Но когда холодные кончики пальцев коснулись ее кожи, она вдруг сказала правду:

— Больно.

Бесчисленные обиды хлынули потоком.

Она прикусила губу, пряча плачущий голос в горле, и с нотками в носу повторила:

— Больно.

Кончики пальцев Чжао Синюэ дрогнули, но в конце концов она ничего не сказала — лишь велела Шэнь Цинвэй снять одежду, чтобы она могла ее смазать лекарством.

Когда Шэнь Цинвэй били, она старалась беречь жизненно важные органы, но спина, икры и другие места, куда удары приходились чаще всего, были сплошь покрыты синяками. В некоторых местах запекавшаяся кровь казалась черной от темноты, и стоило Чжао Синюэ лишь слегка прикоснуться, как Шэнь Цинвэй от боли судорожно втягивала воздух.

Капля за каплей втирая целебное средство, Чжао Синюэ обнаружила, что домашнее лекарство у нее превосходное: Шэнь Цинвэй чувствовала лишь легкий холодок там, где ее намазали, а невыносимо болевшие места словно и правда начинали униматься.

— Ты поела?

Закончив с мазью, неожиданно спросила Чжао Синюэ.

Шэнь Цинвэй опешила, и ее желудок ответил на этот вопрос за нее.

Чжао Синюэ убрала лекарство обратно в аптечку и бросила ей:

— Пошли, поедим на улице.

Лицо Шэнь Цинвэй покраснело:

— Н-нет, не нужно, как неудобно.

— Тетя уже всё приготовила и оставила, — пожала плечами Чжао Синюэ. — Если ты не поешь, для меня это просто перевод продуктов. Смотри сама.

Руководствуясь принципом не разбрасываться едой, Шэнь Цинвэй осталась.

Она не могла толком объяснить, что творится у нее на душе: всё перемешалось в сплошной хаос, и мысли никак не удавалось привести в порядок.

Но когда кто-то впервые проявил к ней доброту, она уподобилась страннику, бредущему во тьме и вдруг заметившему крошечный огонек. Пусть она и понимала, что эта надежда может

рухнуть, она всё равно невольно тянулась к нему, пока свет не погас.

Правило не разговаривать во время еды и не произносить ни звука во время сна Чжао Синюэ соблюдала безупречно.

Шэнь Цинвэй, глядя на неторопливые движения собеседницы, слегка покраснела и тоже замедлила темп, стараясь выглядеть приличнее. Чжао Синюэ взглянула на нее, пододвинула поближе несколько тарелок и приказала командным тоном:

— Это всё твое. Ешь всё до конца, оставлять нельзя.

Шэнь Цинвэй вытаращила на нее глаза.

Чжао Синюэ опустила голову, избегая ее взгляда.

Растущий организм требует много еды, а Шэнь Цинвэй тогда едва перевалило за шестнадцать — самый возраст, когда для развития необходимы питательные вещества. Отец Шэнь обеспечивал ее лишь тем, чего хватало для утоления голода, о какой-то питательности и вкусной еде не было и речи. Когда перед ней выставили целый стол яств, она поначалу еще пыталась держаться в рамках приличий, чтобы не ударить в грязь лицом перед одноклассницей, но очень скоро потеряла над собой контроль и смела со стола абсолютно всё, словно налетевший вихрь.

— Оставь, тетя завтра сама помоеет.

— Нет-нет, я сама. Раз уж я твоей еды поела, вымыть посуду — сущие пустяки.

Чжао Синюэ немного подумала и не стала пресекать усердие Шэнь Цинвэй, лишь подсказала, как пользоваться горячей водой на кухне и куда ставить посуду после мытья.

Когда Шэнь Цинвэй ушла, Чжао Синюэ повалилась на кровать и задумалась о нынешнем положении дел своей одноклассницы.

Сначала она планировала добиться того, чтобы школьные учителя пораньше заметили домашнее насилие над Шэнь Цинвэй, добились ее заселения в школьный интернат и тем самым оградили от контактов с семьей Шэнь. Но судя по той тощей фигурке, что она увидела, когда смазывала ей раны, Шэнь Цинвэй, пожалуй, требовалось нечто большее, чем просто изоляция.

Вот только согласится ли Шэнь Цинвэй уйти с ней?

Отклонив предложение Чжао Синюэ остаться ночевать, Шэнь Цинвэй с туго набитым животом направилась домой. В комнате было темно — отец куда-то ушел. Едва она успела присесть, как в дверь забарабанили.

За дверью стояли ее сводный брат и какая-то вульгарно разодетая женщина.

Шэнь Цинвэй протянул ей пять юаней и кивнул на выход.

Шэнь Цинвэй сжала в руке школьный рюкзак, взяла деньги и молча вышла.